

Научная статья

УДК 81

DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-34-54

**«Пришла баба в женотдел...»:
отражение языковой картины мира
в неологизмах первой трети XX века
(слова с первой частью *жен-*)**

Наталья Витальевна Козловская

Институт лингвистических исследований Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

mnegolosbyl@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7272-7979>

Аннотация

В статье отражены некоторые результаты первого года составительской работы по словарному описанию корпуса русских неологизмов первой трети XX века. Обоснованы границы лексикографируемого периода (рубеж XIX–XX вв. — вторая половина тридцатых годов XX в., охарактеризован тип проектируемого словаря: дифференциальный исторический словарь новых слов, реализующий функциональный и текстоцентрический подходы к слову. Кратко охарактеризованы лексикографические источники проекта и рабочий словник. Представлены фрагменты конкорданса и примеры словарных статей к словам с первой частью *жен-*, которые отразили значительные изменения в картине мира «нового человека»: изменение положения женщины в обществе и связанные с этим новые наименования лиц, формирование новой социальной когорты, новых типов общественных и профессиональных организаций, трансформацию женского досуга и многое другое.

Ключевые слова

академическая неография, неологизм, русский язык начала XX века, словарная статья, контекстуальный компонент словаря, языковая картина мира

© Козловская Н. В., 2026

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 34–54

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2026, no. 1, pp. 34–54

Для цитирования

Козловская Н. В. «Пришла баба в женотдел...»: отражение языковой картины мира в неологизмах первой трети XX века (слова с первой частью *жен-*) // Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 34–54. DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-34-54

Reflections of the linguistic worldview in neologisms of the first third of the 20th century (words with the first part *zhen-*)

Natalia V. Kozlovskaya

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
mnegolosbyl@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7272-7979>

Abstract

The article reflects some of the results of the first year of work on compiling a dictionary of Russian neologisms from the first third of the 20th century. The boundaries of the lexicographic period (the turn of the 19th and 20th centuries — the second half of the 1930s) are justified, and the type of dictionary being planned is described: a differential historical dictionary of new words, implementing functional and text-centric approaches to words. The lexicographical sources of the project and the working dictionary are briefly described. Excerpts from the concordance and examples of dictionary entries for words beginning with the prefix *zhen-* are presented, reflecting significant changes in the worldview of the “new man”: changes in the position of women in society and the associated new names for persons, the formation of a new social cohort, new types of social and professional organizations, the transformation of women’s leisure activities, and much more.

Keywords

academic neography, neologism, Russian language of the early twentieth century, dictionary entry, contextual component of the dictionary, linguistic picture of the world

For citation

Kozlovskaya N. V. Reflections of the linguistic worldview in neologisms of the first third of the 20th century (words with the first part *zhen-*). *Kritika i Semiotika* [*Critique and Semiotics*], 2026, no. 1, pp. 34–54. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-34-54

В статье отражены некоторые результаты первого года составительской работы по словарному описанию корпуса русских неологизмов первой трети XX века. Неологизмы первых 30–35 лет XX века, отразившие эпоху коренных общественных преобразований, не отражены в толковых словарях или отражены недостаточно. Анализируя историю русской лексикографии первых послереволюционных десятилетий, Е. В. Маркасова пишет об Академическом словаре шахматовской редакции, который должен был стать «настоящим словарем советской эпохи»: «Умение дорожить живым словом, очарованность быстрым обновлением языка и желание сделать „фотографию“ языка привели к идее описывать в Академическом словаре (Словарь русского языка под ред. Н. С. Державина — *Н. К.*) ВСЕ новые слова, опираясь на прессу 1920–30 гг.» [Маркасова, 2011, с. 97]. В связи с прекращением выпуска словаря в 1937 г. попытка наглядно и полно представить лексико-семантические «приобретения» изучаемого периода оказалась нереализованной.

Работа над составлением словника вызвала научную дискуссию о хронологических границах проекта. Период, определяемый нами в публикациях, посвященных проекту, как первая треть XX в. или начало XX в., является дискуссионным и требует четкой «прорисовки» границ. В этой связи напомним, что периодизация русского языка XX века в лингвистике осуществляется по-разному, в зависимости от задач и целей исследования и от «расстояния», с которого исследователь анализирует научный объект.

С. О. Карцевский относит первую волну изменений к 1905 году и связывает ее с социально-политическими потрясениями: «Первая волна языковых новшеств относится к „1905 году“, если так условимся мы обозначать весь первый период серьезных социально-политических потрясений, открывающийся русско-японской войной и заканчивающийся стольпинской реакцией» [Карцевский, 1923, с. 19]. Следующий период (1914–1922) ученый связывает с войной, которую называет «политической борьбой с оружием в руках» [Там же, с. 31]. На этом периодизация Карцевского заканчивается: книга «Язык, война и революция» вышла в 1923 году.

А. М. Селищев в названии своей книги ограничивает период «наблюдений за языковой деятельностью» десятью годами (1917–1926), но в предисловии уточняет: «Главным же образом эти наблюдения относятся к последним 3-4 годам. Цель работы — осветить различные стороны языковых переживаний последних лет» [Селищев, 2012, с. 3].

Такой подход прочно увязывает изменения языка с «лентой времени»: языковая динамика начала XX в. соотносится с ключевыми событиями в истории России и мира (Русско-японская война, Первая русская революция, Первая мировая война, революционные события и Гражданская война 1917–1922 гг., социально-экономические преобразования первых послереволюционных десятилетий, образование СССР, НЭП, индустриализация и коллективизация).

Возможен иной — очень обобщенный — взгляд на язык сквозь призму понятий «советизм», «советское».

Такой подход, предпринятый В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной в «Толковом словаре языка Совдепии», обусловил верхнюю и нижнюю границу словаря: «70-летний социолингвистический феномен», от революции до перестройки [Мокиенко, Никитина, 1998]. В диссертации А. А. Пихуровой границы советского периода напрямую соотнесены с понятием «советизм»: «Советизм — это вербальный или невербальный знак любой сложности как факт советской культуры. Для лингвистики интерес представляют вербальные советизмы, в частности собственно советизмы, которые с точки зрения семантической структуры слова распределяются по типам: лексические — слова, актуализировавшиеся, появившиеся или образованные в 20–70-е годы и обозначающие явления советской действительности (*бракодел, обезличка, перегибщик, подкулачник, эпохальный* и мн. др.), семантические — новые значения старых слов, появившиеся или актуализировавшиеся в советское время (*вредитель* — „тот, кто умышленно вредит кому-, чему-н.“, *достать* — „приобрести, раздобыть“ и мн. др.) и коннотативные — оттенки значения, появившиеся в 20–70-е гг. (*авангард* — „передовая часть какой-н. общественной группировки, ведущая за собой массы“, *гнёт* — „социальное давление“») [Пихурова, 2005, с. 7].

Для определения хронологических «границ» проекта важны и такие типы периодизации, которые связаны с аспектным изучением языка. Так, А. В. Зеленин определяет границы первой волны послереволюционной эмиграции 1917–1939 гг. [Зеленин, 2007]. Отметим также, что период формирования терминологии русской философии определяется нежестко и включает конец XIX века — первые два десятилетия XX века; третий период — XX век после 1917-го года [Зеньковский, 1991, т. 1, ч. 1, с. 23–25].

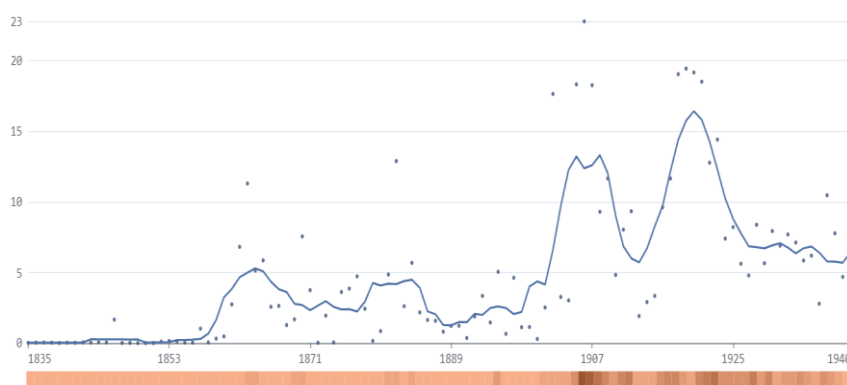
Разность подходов обусловлена тем, что в определении границ изучаемого периода можно идти от «ленты времени» или от объекта/аспекта исследования.

Ю. С. Сорокин в статье «О принципах исторического описания лексики русского языка нового времени» полемизировал с учеными, предлагавшими «датировать новейший период в развитии словарного состава литературного языка начиная с 1870-х годов, со времени наивысшего подъема народнического движения» [Сорокин, 1981, с. 133], и нижнюю границу иначе: «на грани XIX и XX вв.» [Там же, с. 134].

Рубеж XIX и XX веков — время значительных и многообразных изменений в русском языке. Эти изменения неразрывно связаны с новыми социокультурными явлениями, в том числе с усилением роли публицистического текста в формировании информационной и языковой картин мира носителей русского языка.

Таким образом, нижняя граница проекта определяется нами как рубеж XIX и XX веков (1900 год) — и мы признаем не критичность и преодолимость зоны пересечения со словарем русского языка XIX в. Вполне возможно и даже вероятно, что одни и те же единицы попадут в оба словаря — но с разным иллюстративным материалом и с разными комментариями. Например, первые фиксации слова *агитатор* (первоначальный вариант: *ажитатор*) и некоторых его производных в периодической печати и в лексикографии относятся к XIX веку, однако процессы изменения семантической структуры слова, актуализации и активизации — уже к XX, что и отразил Словарь русского языка под ред. Н. С. Державина, в котором представлены гнездо с корнем *агит-* (*агитаторный, агитаторский, агитаторша, агитационность, агитация, агитировать*) и более 80 слов-композигов с первой частью *агит-*: *агитзрелище, агитпредставление* и *агитспектакль, агитвечер; агитколлектив, агитколонна, агиткоманда, агиткомиссия, агиткружок, агитгруппа*.

Наглядно и обозримо процесс активизации отражен в НКРЯ: аналитический инструмент «График» с детализацией по годам с 1835 по 1940 позволяет выявить год наибольшего роста частоты употребления слова *агитатор* в текстах: 1920.

Частота употребления слова *агитатор* в текстах НКРЯ
Frequency of use of the word *agitator* in the Russian National Corpus texts

Объектом лексикографического описания в проектируемом словаре являются только неологизмы — новые слова, значения, сочетания, которые отразили возникшие в первой трети XX в. новые образцы коммуникативного поведения и новую литературу. Данный объект определил верхнюю границу словаря, так как в конце 30-х годов обновление лексико-семантической системы языка существенно замедлилось. Кроме того, верхняя граница соотносится с так называемой верхней лексикографической границей — «Словарем современного русского литературного языка» в 17-ти тт. (БАС-1), работа над которым началась в 1937 г. [Приемышева, Стукова, 2018].

Итак, хронологические границы проекта «Лексикографическое описание русского языка начала XX века» включают период развития лексико-семантической системы русского языка с 1900 г. до второй половины тридцатых годов XX в. «Словарь новых слов начала XX века» будет дифференциальным историческим словарем, который призван восстановить недостающие страницы истории словарного состава русского языка, восстановить исторически объективную картину формирования лексико-семантической системы русского языка, реконструировать неологию в период особой активизации языковых изменений в русском языке первой трети XX века. Таким образом, проектируемый словарь должен стать —

пусть даже с большим опозданием — естественной частью русской академической неографии.

Основными лексикографическими источниками проекта на этапе создания словника являются два словаря: «Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина и «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Третий, дополнительный, более поздний источник — вышедший в 1998 г. «Толковый словарь языка Совдепии», который, по замыслу его авторов, «всесторонне» представляет «советскую эпоху в лексическом отображении» [Мокиенко, Никитина, 1998, с. 9].

На этапе формирования словника научный коллектив использует энциклопедические, терминологические, отраслевые словари. Особый тип источников, выявленный и охарактеризованный И. Е. Кузнецовой, — словари актуальной лексики, адресованные преимущественно широкой аудитории, овладевшей после революции грамотой: «Толкователь слов для народа. Необходимо каждому»; «Словарь иностранных слов: Настол. кн. для нар. читален и б-к: Необходимое пособие для начинающих читать»; «Народный политический словарь. Пособие при чтении газет, журналов, брошюр и политической литературы»; «Народный толковый словарь. (Пособие при чтении газет и журналов)»; «Толкователь слов, наиболее употребляемых и малопонятных для начинающего читателя». В 20-е годы появляются «Наш словарь. Краткое объяснение мудреных слов, встречающихся в газетах»; «Словарь непонятных слов для крестьян при чтении газет, журналов, книг и т. п. с рисунками»; «Словарь непонятных для крестьянина слов» и т. п. Многие издания впервые введены в научный оборот в качестве лексикографических источников [Кузнецова, 2025].

Эмпирическая основа проекта — Большая словарная картотека ИЛИ РАН, основанная Я. К. Гротом в 1886 г., включающая в том числе около 3 млн карточек-цитат, собранных авторами академического «Словаря русского языка» в 1920–1930-х гг., не вошедших в полном объеме ни в один толковый словарь русского языка.

На основе лексикографических, текстовых, энциклопедических, научных и научно-популярных источников, а также картотеки создан первый вариант общего словника проекта, включающий 12 472 слова и словосочетания, в том числе имена собственные, источниками которых стали энциклопедические и отраслевые словари и справочники.

Основной задачей текущего этапа является разработка микроструктуры словаря, реализующего историко-функциональный и текстоцентрический подходы к «историческому неологизму». Е. В. Генералова разделяет два подхода к лексике «условно единого состояния»: словоцентрический и текстоцентрический: «...при выдвигении в центр описания слова как единицы лексикосемантической системы и как иерархически-организованной семантической структуры, представляющей собой комплекс сем, коннотаций и т. п., имеет место *словоцентрический (лексицентрический) подход*; при описании слова как составляющей текста и опоре на текст как на основной источник информации о слове используется *текстоцентрический подход*» [Генералова, 2018, с. 9].

Важным этапом составления дефиниции является объемный конкорданс, позволяющий корректно и полно описать лексическое значение. При описании слова, представленного в существующих толковых словарях, составители оставляют за собой право приводить толкования со ссылкой на источник; предполагается, что дополнение, уточнение толкования и оправдание включения слова в проектируемый словарь будут осуществляться с помощью обширного контекстуального компонента.

В докладах и выступлениях, посвященных проекту, мы не раз упоминали технику так называемого добора, которая используется для формирования групп новых составных и сложносокращенных слов. Наиболее активные форманты отражают самые актуальные понятия нового этапа в жизни русского языка изучаемого периода. Эти форманты, или серийные строевые элементы, используются для дополнительного направленного поиска лексики по разным источникам: периодика, художественная, научная литература.

В поисках оптимальной методики лексикографирования «исторических неологизмов» мы идем несколькими путями. Первый путь — создание тематического словаря новой кинематографической лексики начала века, который отразит значительный фрагмент денотативно-идеографического поля «Кино», интенсивное формирование которого в русском языке происходило в изучаемый период. Рабочий словник включает более 200 лексем (*баржа-кинематограф, биоскоп, боевик, двигопись, кинематографчик, наплыв, парижский жанр, светотворчество, стереоскопичный снимок, фотограф 'кинооператор'*), появление которых вызвано первой волной «визуальной революции». Второй путь — создание отрезка словаря «в алфавите» на одну букву. В отрезок входят неологизмы начала

XX века на букву Ж, которая была выбрана по двум причинам: сравнительно небольшое количество слов (119) и наличие двух интересных гнезд сложных слов с серийными первыми частями *жен-* и *жил-*.

Слова с первой частью *жен-* оказались интересным и сложным объектом лексикографирования. Сложность проявилась на этапе выборки: ни в картотеке, ни в словарях эта группа слов как целостный объект не представлена. По результатам обследования лексикографических и энциклопедических источников в словник вошло всего 5 слов с первой частью *жен-*: *женкор*, *женорг*, *женотдел*, *женотделец*, *женотдельский*. Большая словарная картотека содержит карточки с библиографированными примерами к 12 словам: *женбаба* (обл. 'женорганизатор на деревне'), *женделегатка*, *женорг*, *женорганизатор*, *женорганизаторша*, *женотдел*, *женотделка*, *женотдельский*, *женотдельческий*, *женотдельщица*, *женсовет*, *женуголок*.

Историко-функциональный принцип создания словаря неологизмов начала XX века и связанный с ним широкий, дескриптивный подход к языку предполагает лексикографирование всех слов анализируемого гнезда. Применение техники «добора» по электронным базам русской периодики в границах 1900–1935 гг. позволило существенно увеличить отрезок словника, который в настоящее время включает 29 слов: *женактив*, *женактивистка*, *женбюро*, *жендвижение*, *женделегатка*, *женделегатский*, *женкомиссия*, *женкомполитсостав*, *женкор*, *женкоровский*, *женкружок*, *женорг*, *женорганизатор*, *женорганизаторша*, *женотдел*, *женотделец*, *женотделка*, *женотдельский*, *женотдельческий*, *женпрезидиум*, *женработа*, *женработник*, *женработница*, *женсектор*, *женсекция*, *женсовет*, *женсовещание*, *жентройка*, *женуголок*.

Среди группы слов с первой частью *жен-* выделим объекты первой лексикографической фиксации: *женбаба*, *женкружок*, *жентройка*, *женуголок* и некоторые другие.

Анализ конкордансов к словам анализируемого гнезда позволяет сделать некоторые обобщения о динамике фрагмента концептуальной и языковой картины мира в 20–30-е гг. XX века, связанной с началом формирования нового человеческого и социального типа — советской женщины. О трансформации положения женщины в обществе пишут А. В. и Д. Ю. Бородины: «...никогда еще в таком массовом количестве российские женщины не принимали участия в общественно-политической жизни. Сформировался особый тип новой женщины — активистка, ответственный

работник» [Бородина, Бородин, 2000, с. 46]. Неологизмы с первой частью *жен-* являются важной составляющей нового «способа речемыслительной деятельности» [Маслова, 2004, с. 67] эпохи первых десятилетий советской власти.

Новые слова с первой частью *жен-* отражают изменения в социальной роли женщины, обретение ею нового статуса, нового положения. Эти изменения организованы «сверху»; коммунисты ведут среди крестьянок и работниц огромную разъяснительную работу (сочетания *вести работу, ведение работы, проводить работу, разворачивать работу* в примерах очень частотны):

И всё же нужно сказать, что работа крестьянок на селе только начинается: она еще впереди. В настоящее время при некоторых волостных комячейках организуются специальные жентройки, на обязанности которых лежат вовлечение крестьянок в активную работу и ведение работы среди них. Надо, чтобы этих жентроек образовалось как можно больше, и тогда, — нельзя сомневаться, — наша крестьянка займет в деревне то положение, которого она заслуживает, как мать и работница. Известия, 03.05.1923, № 96.

Процессы вовлечения женщин в политическую жизнь не могли не отразиться в лексико-семантической системе: не позднее 1923-24 гг. (первые фиксации в периодике) возникают слова, обозначающие новые общественные организации и новые наименования лиц, связанные с этой сферой: *женактив* и *женактивистка*, *женбюро*, *женделгатка* и *женделгатский*; *женкомиссия*, *женорганизатор* и *женорг*; *женотдел*, *женотделец*, *женотделка* и *женотдельческий*, *женработа*, *женработник* и *женработница*, *жентройка* и др.

Значительную трудность представляет отбор примеров. Контекстуальный компонент проектируемого словаря должен не только подтверждать принадлежность слова к языку описываемого периода, но и значительно дополнять толкования, отражая имплицитный прагматический компонент, в том числе идеологический. Так, в иллюстративном материале к лексеме *женработа* отражено одобрительное отношение к ней социума, потребность женщин в такой работе, их заинтересованность в «указаниях» от «женорганизаторов». Приведем рабочий вариант словарной статьи:

ЖЕНРАБО́ТА, ы, ж. Деятельность актива по вовлечению женщин в общественную работу, кружки, партийные и комсомольские мероприятия.
Не позднее 1924. *ЖЕНРАБОТА, КОМСОМОЛ, ПИОНЕРЫ.* <Загл.>. *Работа*

среди женщин разворачивается — в районе имеются 3 делегатских собрания; всего — 130 делегатов. Втянуто в кооперацию около 200 человек. В комсомоле 40,5 проц. девушек. На прошедших выборах в советы избрано вместо прошлогодних 6 — 43 женщины. Но для углубленной и массовой работы среди женщин нет сил. Правда, 09.12.1924. ...Хромает и женработа. Женработница жалуется: «Уже 2 месяца я работаю и никаких указаний от фабричного женорганизатора не имела, а сама я еще малоопытна в этой работе». Правда, 29.09.1926. Там, где ячейки сами непосредственно занимаются женработой, работа среди женщин развивается довольно успешно. И, напротив, там, где женработа возлагается только на одного женорганизатора, где ячейка не занимается этой работой, положение создается неудовлетворительное. Правда, 19.01.1930. ТСУ. В зоне примеров к первой части *жен-*: *жен* (нов. офиц.). Сокращение, употр. в новых сложных словах со знач.: относящийся к женщинам, женскому населению, напр. *женотдел*, *женкружок*, *женработа*.

Указание на время появления слова приведено в соответствии с датой самого раннего обнаруженного контекста. Краткость толкования компенсируется большим количеством примеров, в которых разворачивается семантика слова. Показывая слово в типичном окружении, контекстуальный компонент содействует лучшему осмыслению значения и отражает — насколько это возможно — знания социума о реалии, стоящей за словом.

Интересен факт совместной встречаемости слов с первой частью *жен-* в периодике (это подтверждает лексический материал конкордансов к большей части слов гнезда), ср. в словарной статье «ЖЕНРАБОТА»: *женработа*, *женработница*, *женорганизатор*. Использование слов с первой частью *жен-* в пределах текстового фрагмента отражает зону «неологической активности» в газетном дискурсе 1920–30-х гг.

Большое количество наименований лиц с первой частью *жен-* и парадигматически связанных с ними свидетельствуют о формировании новой общественной когорты — женщины-активистки, женщины-общественницы. Интересно слово *женбаба*, которое попало в словник из материалов Большой словарной картотеки. Первоначальное предположение о единичности слова не подтвердилось: в периодике встретилось несколько убедительных примеров, в которых слово *женбаба* употребляется в качестве просторечного синонима к слову *женорганизатор*. В проектируемой словарной статье использована краткая дефиниция, сопровождающая пример на карточке. Поскольку слово лексикографируется впервые, материал будет дополняться, но даже представленные контексты отражают важность

и разноаспектность общественной работы, осуществляемой женщинами и/или среди женщин.

ЖЕНБАБА, ы, ж. Обл. Женорганизатор на деревне. Что касается учительниц, то на них, кроме этих нагрузок, возложена совсем оригинальная работа: все они «женбабы», как их зовут в деревне, женорганизаторы. На их обязанности «в порядке профессиональной дисциплины» лежит работа среди женщин и беседа с ними на политические темы. Полная замена аппарата волкома ... Кр. Нива, 1928. Я слышал, что Марья Павловна — организатор яслей, «женбаба» района, председатель избиркома, член сельсовета, член кресткома, член рабочей тройки сельсовета, а еще недавно была членом земельной комиссии. Я хочу выяснить, как справляется она с такой нагрузкой, несмотря на невероятно тяжелую семейную обстановку. Известия, 08.03.1929, № 56.

В сознании новой женской когорты формируется коллективное мировоззрение. Конкордансы к словам *женбаба* и *женорг* отражают формирование в периодике примата общественных, коллективных интересов над индивидуальными: коллективное интерпретируется как альтернатива семейной кабале и неравноправию:

— Есть. Выход есть! есть! Я нашла его. Великое спасение для всех несчастных женщин. — Она выдерживает паузу и, наклонившись через стол, произносит по слогам: — Кол-лек-тив! Вот наш выход. <...> Когда заговорили о коллективах, Марья Павловна сразу поняла, что коллектив именно то хозяйство, о котором она мечтала. Там женщина — человек, равноправный член общества, там паек высокий. — Если б коллектив, я сегодня развелась бы! Известия, 18.01.1930, № 13.

Новый тип отношений между женщинами новой когорты — особый, товарищеский. В одном из примеров к слову *женорг* встретилось необычное обращение «брат», отражающее трансформацию фатической функции:

Это — бывший женорг Феня Козлова. Она <...> в люди выбилась, грамоту изучила и с тех пор ездит по деревням и помогает таким же, как она, «познавать правду». <...> Нет Фени Козловой в Самцовской волости, она уехала дальше, в другую волость, но связи со своими друзьями не порывает. <...> Письмо твое я получила 15 января, вернувшись из командировки. Ты пишешь, что как быть ли тебе председателем сельсовета? Я считаю, что из тебя получится вполне достойный председатель. Нужно быть, не отказываться. Это, брат, наш партийный долг. Известия, 18.01.1930, № 13.

«Исторические неологизмы» с первой частью *жен-* отразили формирование нового типа досуга, рост вовлеченности в общественную работу: женщины объединяются в *женкружки*, посещают *женуголки*, *женлавки* (единичная фиксация), становятся членами *женсекций*, *женбюро* и *женкомиссий*.

Теперь стоит еще задача — объединить всех женщин штабов для совместной работы в Доме Красной армии. Основа для этого уже есть. При штабе корпуса давно работает женкружок, который за зимний период организовал курсы кройки и шитья, детскую комнату, выпускает свою стенную газету и активно принимает участие в подшефном селе, где также организован кружок женщин. Правда, 31.01.1926, № 25.

Приведем рабочий вариант статьи «ЖЕНУГОЛОК» (первая словарная фиксация), в которой отражается разнообразие типов женуголков и их функций:

ЖЕНУГОЛОК, а, м. Общественное помещение в клубе, комитете, предназначенное для информирования женщин по семейно-бытовым и др. вопросам, а также для встреч по интересам. **Не позднее 1925.** Создан актив из 25 женщин. Жены комполитсостава входят в клубные кружки и в правление клуба. <...> В клубе организован женуголок, проводятся беседы. Произведена коллективная подписка на журнал «Работница» и друг. Красная звезда, 31.12.1925, № 298; Женуголок при Наркомздраве был создан в сентябре месяце. В уголке имеется материал по охране материнства и младенчества, по охране женского труда... Московская правда, 03.01.1925, № 2; Женщины-домохозяйки, которых в Морловском поселке около 700 человек, организовались в трудколлектив по мотанию бумажных ниток на кооперативных началах. Работают они днем. Вечером же слушают в клубе лекции, доклады, постановки драмкружка и т. п. В клубе имеется женуголок, освещающий в своих экспонатах уход за ребенком и т. п. бытовые вопросы. Вечерняя Москва, 18.12.1928, № 293; Много пользы принес женуголок, открытый нами. Комнату для уголка отвели нам в бывшем барском доме. Здесь мы устроили школу по ликвидации неграмотности, открыли небольшую библиотеку. Здесь мы начали устраивать кино, наезжали сюда и врачи... Работница, 1927, № 16.

Одним из наиболее употребительных в периодике 1920–30 гг. является слово *женотдел*: это одно из немногих слов анализируемой группы, которое есть в основных толковых словарях и достаточно репрезентативно представлено в художественных произведениях (Б. А. Пильняк. Третья

столица; И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев). В проектируемом словаре статья «ЖЕНОТДЕЛ» значительно расширена за счет разнообразного иллюстративного материала, который объемно и убедительно отражает социальные, культурные, исторические, ассоциативные коннотации, составляющие прагматический компонент, сопутствующий лексическому значению. Женотдел — не просто существовавший в 1918–1929 гг. отдел при местных комитетах РКП(б) для работы среди женщин, но общественная организация, осуществляющая функцию защиты женщины от самоуправства и грубости мужчин; место, куда можно обратиться с личной просьбой о восстановлении распавшейся семьи:

Вести работу в волостях сейчас невозможно. <...> Сифилис раз'едает целые селения. Пришла баба в женотдел, просит свести ее с мужем. Он заразил ее сифилисом, а теперь прогнал и взял другую. Такие случаи часты. И нигде нет защиты. Правда, 18.02.1923, №37;

*Мой миленок обалдел,
Стал ругаться сердцем,
Поведу-ка в женотдел,
Там насыплют перцу.*

Большая словарная картотека ИЛИ РАН

Женотдел защищает и от социально чуждых элементов — кулаков:

*Не удастся кулаку
Дурить голову мою:
Я теперь ведь в женотделе
Делегаткой состою.*

Большая словарная картотека ИЛИ РАН

Есть в конкордансах любопытные контексты, отразившие недовольство мужчин с связи с изменением статуса женщины и обретением ею власти, например:

Однако, здесь бывают и уклоны. Бабы иногда перегибают палку и в отместку мужикам за их противодействия заражаются каким-то бабым духом, феминизмом. Во Владимирской губ., например, мы даже имеем два бабьих совета, куда бабы не провели мужиков. В некоторых местах организованы женбюро и жентройки, самостоятельные женские коллективы. Этот уклон вредный и его нужно изживать. Правда, 10.02.1926, № 33 (3262).

В заключение приведем проект словарной статьи «ЖЕНОТДЕЛЬСКИЙ». В статью включены примеры из художественных текстов, свидетельствующие о том, что слово употреблялось широко. Впервые слово с пометой «нов. офиц.» было зафиксировано в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, где приведено только краткое толкование без речений и цитат. Иллюстрации к «историческому неологизму» в новом словаре отражают широкую сочетаемость прилагательного (работа, платки, фильма, лозунги, затея) и ассоциативные коннотации значения.

ЖЕНОТДЕЛЬСКИЙ, ая, ое. Относящийся к женотделу (см.), связанный с ним. **Не позднее 1923.** *У наших женотделов имеется довольно хороший резерв в лице жен коммунистов, которые, имея связи в женской среде, могут быть великодушными помощницами в женотдельской работе.* Правда, 02.09.1923, № 197;

*Трудовая рота,
Дров,
Дров,
Дров!
Работай,
Работай,
Работай!..
Только затревожатся гудки,
Разольют тоскующие трели
И к вокзалу потекут шинели,
Куртки, женотдельские платки ...
Всё слилось в одногласной песне,
Круг друзей стал ближе и родней.
Может быть, и не было чудесней
Этих взмыленных работой дней?!*

А. Ж. Московская правда, 19.09.1923, № 209;

«Пролеткино» приступлено также к постановке женотдельской фильмы «Новая сила», по сценарию З. Л. Коран. Приступлено к зас'емке производственной картины по заданию союза сахарников: «Сахарная промышленность СССР». Красная звезда, 05.12.1924, вып. № 277; Среди старых рабочих ясли пользовались незавидной славой. Потап как-то дома, за обедом, полно и недвусмысленно выразил мнение старых людей об этой новой женотдельской затее: Вот, Василий, — нехорошо улыбаясь, сказал он, — для вашего брата, кобелей, эти ясли... Какая от вас забрюхатит, ну, и тово... потащит туда, на общественную шею!.. Василий промолчал. И. Г. Гольдберг. Поэма о фарфоровой чашке (1930); Анна прошла свой путь

вверх без него. Ее жизнь вставала перед ним сухой схемой — батрачка, роман с красным командиром, вступление в партию. Красный платочек, или Анна-делегатка. Он давно читал о ней в женотдельских журналах. Она же — странное дело — его жена и мать Никиты. В. Я. Зазубрин. Горы (1934); ТСУ. **ЖЕНОТДЕЛЬСКИЙ**, женотдельская, женотдельское (неол. офиц.). прил. к женотдел.

Характеризуя серийную подачу сложных слов в толковой лексикографии, авторы «Истории русской лексикографии» писали: «В этих строевых элементах — дыхание времени» [ИРЛ, 1998, с. 356]. Работа с небольшим отрезком словника показала, что в словах с первой частью *жен-* отразились значительные изменения концептуальной и языковой картин мира русского человека первой трети XX в.: изменение положения женщины в обществе и связанную с этим внутреннюю конфликтность, формирование новой социальной когорты, трансформацию женского досуга, расширение общественной работы и многое другое. Словник, конкорданс и первые словарные статьи — своеобразное пространство самопознания и возможности внимательнее взглянуть в новую лексику и отражаемые ею социальные роли начала прошлого века.

Лексикографическая разработка слов с первой частью *жен-* — одна из важных составляющих работы над проектом, который призван восстановить исторически объективную картину формирования словарного состава русского языка и реконструировать неологические процессы 1910–1930-х гг. XX века.

Список литературы

Бородин А. В., Бородин Д. Ю. Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-х — 30-х гг. // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь: Изд-во ТГУ, 2000. 172 с. С. 45–51. URL: https://a-z.ru/women_cd1/html/borodini.htm (дата обращения: 03.05.2026).

Генералова Е. В. Русская историческая лексикография: текстоцентрический и словоцентрический подходы // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 7–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-istoricheskaya-leksikografiya-tekstotsentricheskiy-i-slovotsentricheskiy-podhody> (дата обращения: 03.05.2026).

Зеленин А. В. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб.: Златоуст, 2007. 378 с.

Зеньковский В. В. История русской философии. Л.: Изд-во «Эго», 1991. Т. 1: Ч. 1: 222 с., Ч. 2: 280 с.; Т. 2: Ч. 1: 256 с. URL: http://www.razlib.ru/filosofija/istorija_russkoi_filosofii_tom_1_chast_i/p1.php (дата обращения: 03.05.2026).

ИРЛ — История русской лексикографии / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука: С.-Петерб. изд. фирма, 1998. 610 с. URL: <https://djvu.online/file/nTFV6dSRm73b> (дата обращения: 03.05.2026).

Карцевский С. О. Язык, война и революция. Берлин: Русское универсальное издательство, 1923. 72 с. URL: <http://books.e-heritage.ru/Book/10085678> (дата обращения: 03.05.2026).

Кузнецова И. Е. Словари актуальной лексики первой трети XX века // Неология. Неография. 2024. Сборник научных статей. СПб.: ИЛИ РАН, 2025. С. 298–308.

Маркасова Е. В. Проблемы поиска и лексикографического описания советизмов 1920–30 гг. // Russian Language Journal. 2011. Vol. 61. P. 94–118.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с. URL: https://www.academia.edu/32434172/Maslova_v_a_kognitivnaya_lingvistika (дата обращения: 03.05.2026).

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. Вместо предисловия. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 704 с. С. 6–21. URL: <https://djvu.online/file/ММуМФРА9оFs59> (дата обращения: 03.05.2026).

Пихурова А. А. Судьба советизмов в русском языке конца XX — начала XXI века: На материале словарей и текстов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2005. 214 с.

Приемышева М. Н., Стукова Е. Г. У истоков «Словаря современного русского литературного языка»: из истории толковой академической лексикографии конца 30-х гг. XX века // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка», Санкт-Петербург, 03–05 октября 2018 года. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 18–28.

Селищев А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М.: Книжный дом «Либроком»,

2012. 248 с. URL: https://archive.org/details/selischevamjazykrevoljutsionnoj_erohii49/page/n5/mode/2up (дата обращения: 03.05.2026).

Словарь русского языка / [Под ред. акад. Н. С. Державина]. Т. I: А–Ажно. Новое издание. Вып. 1. Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1932. II с. + 224 стлб.

Сорокин Ю. С. О принципах исторического описания лексики русского языка нового времени (XVII–XX вв.) // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1981. 200 с. С. 125–134.

ТСУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., ОГИЗ, 1934/1935 — 1 т., 1938 — 2 т., 1939 — 3 т., 1940 — 4 т.

References

Borodina A. V., Borodin D. Y. Baba ili tovarishch? Ideal novoi sovetskoi zhenshchiny v 20-kh — 30-kh gg. [Woman or comrade? The ideal of a new Soviet woman in the 20s–30s.] In: Zhenskie i gendernye issledovaniia v Tverskom gosudarstvennom universitete [Women and gender studies at Tver State University]. Tver', Izdatel'stvo TGU, 2000. 172 p. Pp. 45–51. URL: https://a-z.ru/women_cd1/html/borodini.htm (accessed 03.05.2026). (in Russ.)

Generalova E. V. Russkaya istoricheskaya leksikografiya: tekstocentricheskij i slovocentricheskij podhody [Russian historical lexicography: text-centric and word-centric approaches]. In: Voprosy leksikografii [Issues in lexicography], 2018, no. 13, pp. 7–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-istoricheskaya-leksikografiya-tekstotsentricheskij-i-slovcotricheskij-podhody> (accessed 03.05.2026). (in Russ.)

IRL — Istoriya russkoj leksikografii [A history of Russian lexicography] / Otv. red. F. P. Sorokoletov [Ed. by F. P. Sorokoletov]. Saint Petersburg, Nauka: St. Petersburg. Publ. Co., 1998. 610 p. URL: <https://djvu.online/file/nnTFV6dSRm73b> (accessed 03.05.2026). (in Russ.)

Karcevskij S. O. Yazyk, vojna i revolyuciya [Language, war, and revolution]. Berlin, Russkoe universal'noe izdatel'stvo, 1923. 72 p. URL: <http://books.e-heritage.ru/Book/10085678> (accessed 03.05.2026). (in Russ.)

Kuznecova I. E. Slovari aktual'noj leksiki pervoj treti XX veka [Dictionaries of current vocabulary of the first third of the twentieth century]. In: Neologiya. Neografiya. 2024. Sbornik nauchnyh statej. [Neology. Neography. 2024.

Collection of scholarly articles]. Saint Petersburg, ILI RAS, 2025. Pp. 298–308. (in Russ.)

Markasova E. V. Problemy poiska i leksikograficheskogo opisaniya sovetizmov 1920–30 gg. [The problems of search and lexicographic description of the 1920–1930s sovietisms]. In: Russian Language Journal, 2011, vol. 61, pp. 94–118. (in Russ.)

Maslova V. A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics]. Minsk, TetraSistems, 2004. 256 p. URL: https://www.academia.edu/32434172/Maslova_v_a_kognitivnaya_lingvistika (accessed 03.05.2026). (in Russ.)

Mokienko V. M., Nikitina T. G. Tolkovyj slovar' yazyka Sovdep'ii. Vmesto predisloviya [Explanatory dictionary of the Soviet language. Instead of a preface]. Saint Petersburg, Folio-press, 1998. 704 p. Pp. 6–21. URL: <https://djuv.online/file/MMyMFPA9oFs59> (accessed 03.05.2026). (in Russ.)

Pikhurova A. A. Sud'ba sovetizmov v russkom yazyke konca XX — nachala XXI veka: Na materiale slovarej i tekstov [The fate of Sovietisms in the Russian language of the late 20th and early 21st centuries: based on dictionaries and texts]: Cand. of Sci. (Philol.) diss.: 10.02.01. Saratov, 2005. 214 p. (in Russ.)

Priemysheva M. N., Stukova E. G. U istokov «Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka»: iz istorii tolkovoj akademicheskoy leksikografii konca 30-h gg. XX veka [At the origins of the Dictionary of Modern Russian Literary Language: from the history of scholarly academic lexicography of the late 30s of the 20th century]. In: Rossijskaya akademicheskaya leksikografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: Sbornik nauchnyh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu vyhoda pervogo toma akademicheskogo «Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka», Sankt-Peterburg, 03–05 oktyabrya 2018 goda [Russian academic Lexicography: current state and prospects of development: a collection of scholarly articles based on the materials of the International Scientific Conference dedicated to the 70th anniversary of the publication of the first volume of the Academic Dictionary of Modern Russian Literary Language, St. Petersburg, Russia, October, 3–5, 2018]. Saint Petersburg, ILI RAS, 2018. Pp. 18–28. (in Russ.)

Selishchev A. M. Yazyk revolyucionnoj epohi: iz nablyudenij nad russkim yazykom poslednih let (1917–1926) [The language of the revolutionary era: from observations on the Russian language of recent years (1917–1926)]. Moscow, Knizhnyj dom «Librokom», 2012. 248 p. URL: <https://archive.org/>

details/selischevamjazykrevoljutsionnojepochii49/page/n5/mode/2up (accessed 03.05.2026). (in Russ.)

Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Ed. by N. S. Derzhavin. T. I: A–Azho. Novoe izdanie. Vyp. 1. Leningrad, Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1932. II p. + 224 col. (in Russ.)

Sorokin Yu. S. O principah istoricheskogo opisaniya leksiki russkogo yazyka novogo vremeni (XVII–XX vv.) [On the principles of historical description of the vocabulary of the Russian language of the New age (17th — 20th centuries)]. In: Russkij yazyk. Problemy hudozhestvennoj rechi. Leksikologiya i leksikografiya [Russian language. Problems of artistic speech. Lexicology and lexicography]. Moscow, Nauka, 1981. 200 p. Pp. 125–134. (in Russ.)

TSU — Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by D. N. Ushakov. Moscow, OGIZ Publ., 1934–1940. 4 vols. (in Russ.)

Zelenin A. V. Yazyk russkoj emigrantskoj pressy (1919–1939) [The language of the Russian emigrant press (1919–1939)]. Saint Petersburg, Zlatoust, 2007. 378 p. (in Russ.)

Zen'kovskij V. V. Istoriya russkoj filosofii [History of Russian Philosophy] Leningrad, Ego, 1991. Vol. 1: Pt. 1, 222 p., Pt. 2, 280 p.; Vol. 2: P. 1, 256 p. URL: http://www.razlib.ru/filosofija/istorija_russkoi_filosofii_tom_1_chast_i/p1.php (accessed 03.05.2026). (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Витальевна Козловская, доктор филологических наук

Information about the Author

Natalia V. Kozlovskaya, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 14.01.2026;
одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 18.05.2026
The article was submitted on 14.01.2026;
approved after reviewing on 09.02.2026; accepted for publication on 18.05.2026*